

УДК 82-31
ББК 83.3
К42

Киплинг, Редьярд.

К42 Книга джунглей. Самая полная история Маугли / Редьярд Киплинг. — Москва : Алгоритм, 2023. — 576 с.

ISBN 978-5-907363-40-3

Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег, —
Тогда весь мир ты примешь во владенье,
Тогда, мой сын, ты будешь Человек!

(Р. Киплинг)

Впервые опубликованная в 1894 году «Книга джунглей» остается одной из самых любимых у детей и взрослых всего мира. Перед вами — самое полное издание рассказов и повестей легендарного писателя, рассказывающих о жизни джунглей, о справедливости, порядочности и гордости, которые подчас недоступны пониманию людей, но очевидны для животных. Издание дополнено оригинальными иллюстрациями XIX века.

УДК 82-31
ББК 83.3

ISBN 978-5-907363-40-3

© ООО «Агентство Алгоритм», оформление, издание, 2023

РЕДИАРД КИПЛИНГ

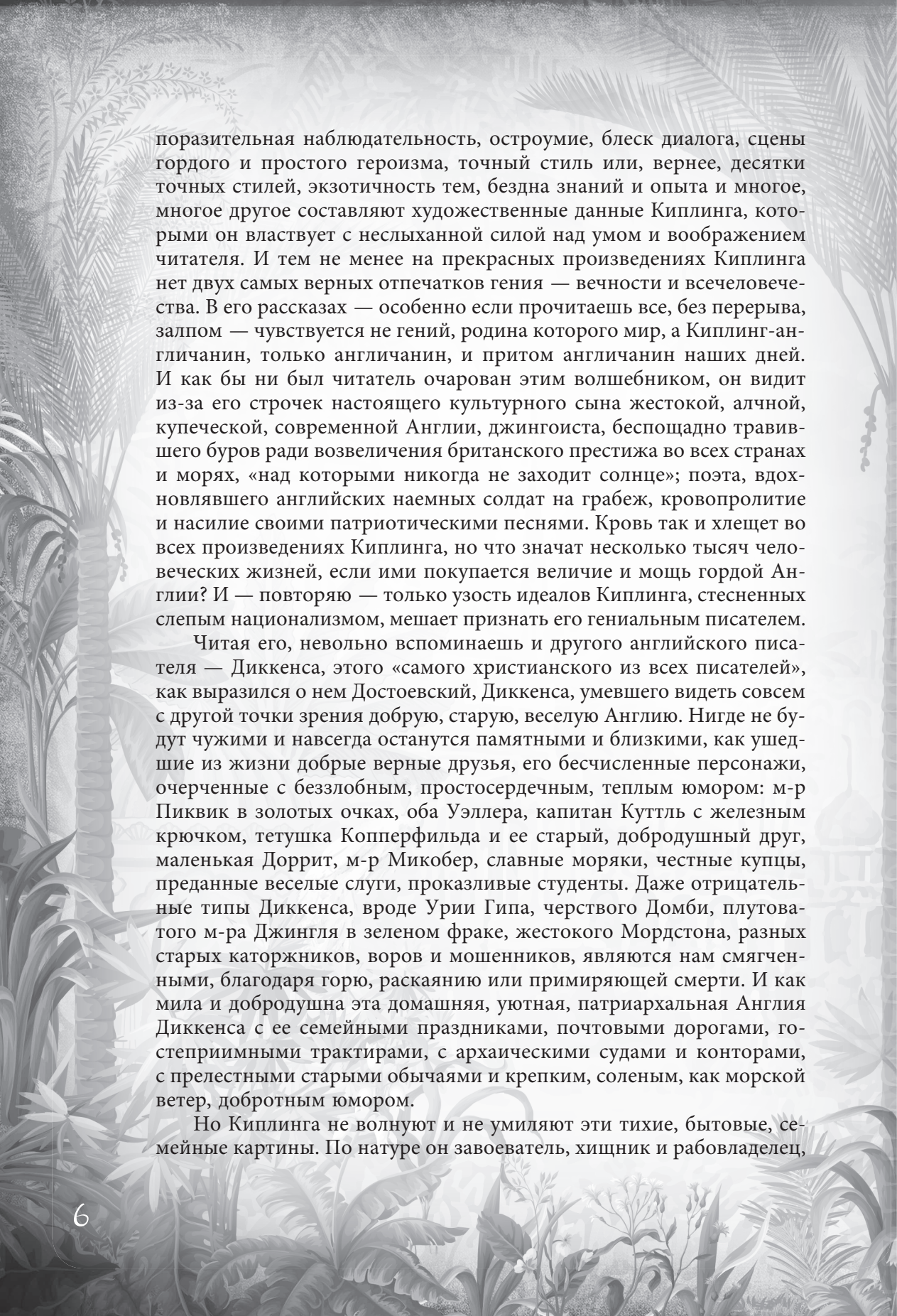
Страна, делающая лучшую в мире сталь, варящая лучший во всем свете эль, изготавливающая лучшие бифштексы, выводящая лучших лошадей, создавшая священную неприкосновенность семейного очага, изобретшая почти все виды спорта; страна, национальный гимн которой кончается прекрасными словами, заставляющими нас, русских, плакать от бессильного волнения, —

Никогда, никогда, никогда
Англичанин не будет рабом, —

только такая страна, страна мудрого и бессердечного эгоизма, железной англосаксонской энергии, презрительной государственной обособленности и беспримерно жестокой колониальной политики, страна, гордо пишущая местоимение «Я» с большой буквы, но ревниво охраняющая каждую мелочь старины, начиная с официального целования руки у короля и кончая веткой остролистника на рождественском столе, — только такая страна могла породить свою теперешнюю национальную славу — Редиарда Кипплинга.

Трое английских писателей — Киплинг, Уэллс и Конан-Дойл — завоевали в настоящее время, всемирное внимание. В их труде с особенной яркостью сказывается та добросовестная техника, та терпеливая, выработанная веками культуры выдумка, об отсутствии которой у русских писателей меланхолически вздыхал Тургенев.

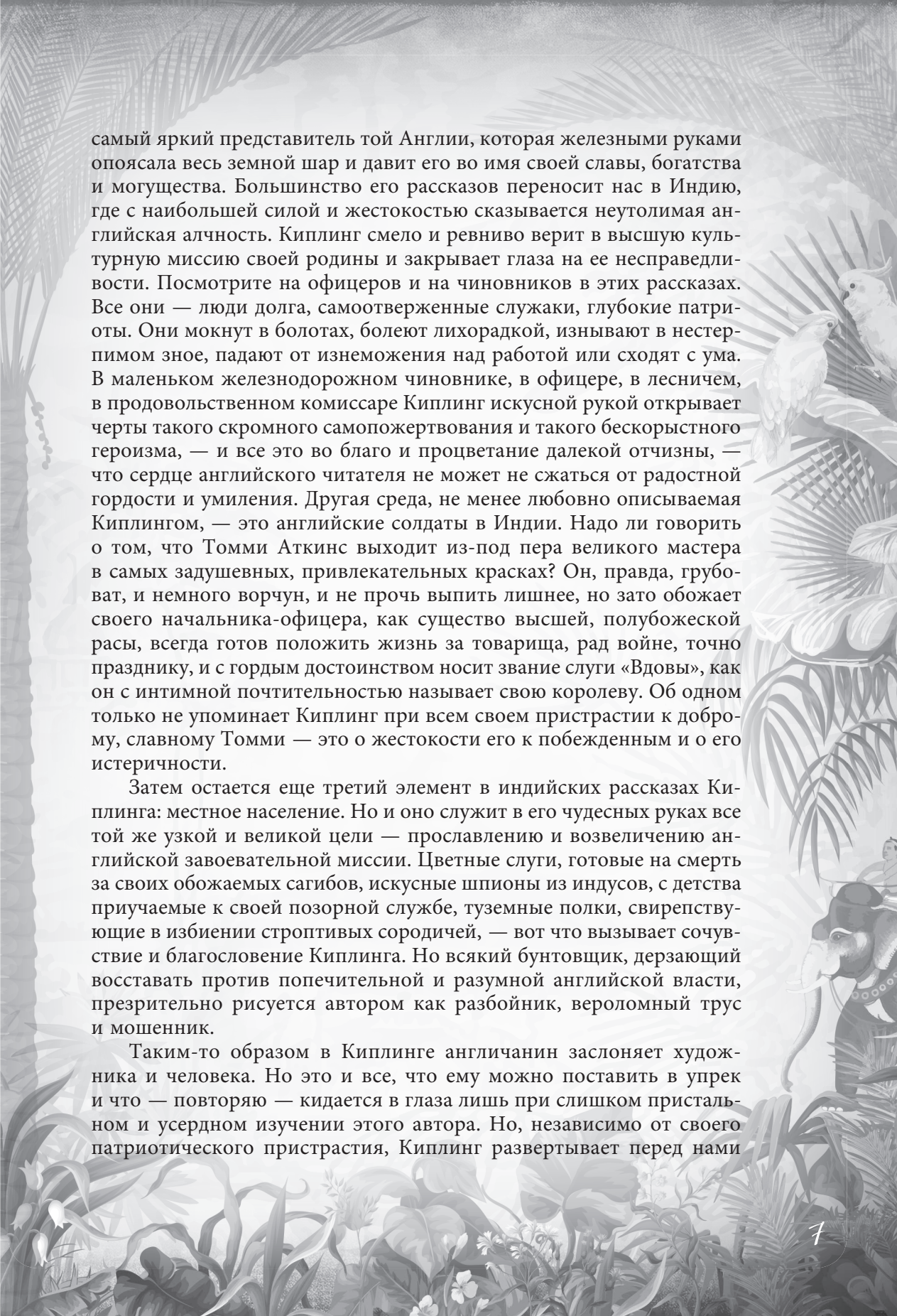
Но бесконечно увлекательный, умный, изобретательный Уэльс все-таки имел предшественников в лице многих авторов фантастически научных путешествий и приключений. Но Конан-Дойл, заполнивший весь земной шар детективными рассказами, все-таки умещается вместе со своим Шерлоком Холмсом, как в футляр, в небольшое гениальное произведение Э. По — «Преступление в улице Морг». Киплинг же совершенно самостоятелен. Он оригинален, как никто другой в современной литературе. Могущество средств, которыми он обладает в своем творчестве, прямо неисчерпаемо. Волшебная увлекательность фабулы, необычайная правдоподобность рассказа,

поразительная наблюдательность, остроумие, блеск диалога, сцены гордого и простого героизма, точный стиль или, вернее, десятки точных стилей, экзотичность тем, бездна знаний и опыта и многое, многое другое составляют художественные данные Киплинга, которыми он властвует с неслыханной силой над умом и воображением читателя. И тем не менее на прекрасных произведениях Киплинга нет двух самых верных отпечатков гения — вечности и всечеловечества. В его рассказах — особенно если прочитаешь все, без перерыва, залпом — чувствуется не гений, родина которого мир, а Киплинг-англичанин, только англичанин, и притом англичанин наших дней. И как бы ни был читатель очарован этим волшебником, он видит из-за его строчек настоящего культурного сына жестокой, алчной, купеческой, современной Англии, джингоиста, беспощадно травившего буров ради возвеличения британского престижа во всех странах и морях, «над которыми никогда не заходит солнце»; поэта, вдохновлявшего английских наемных солдат на грабеж, кровопролитие и насилие своими патриотическими песнями. Кровь так и хлещет во всех произведениях Киплинга, но что значат несколько тысяч человеческих жизней, если ими покупается величие и мощь гордой Англии? И — повторяю — только узость идеалов Киплинга, стесненных слепым национализмом, мешает признать его гениальным писателем.

Читая его, невольно вспоминаешь и другого английского писателя — Диккенса, этого «самого христианского из всех писателей», как выразился о нем Достоевский, Диккенса, умевшего видеть совсем с другой точки зрения добрую, старую, веселую Англию. Нигде не будут чужими и навсегда останутся памятными и близкими, как ушедшие из жизни добрые верные друзья, его бесчисленные персонажи, очерченные с беззлобным, простосердечным, теплым юмором: м-р Пиквик в золотых очках, оба Уэллера, капитан Куттль с железным крючком, тетушка Копперфильда и ее старый, добродушный друг, маленькая Доррит, м-р Микобер, славные моряки, честные купцы, преданные веселые слуги, проказливые студенты. Даже отрицательные типы Диккенса, вроде Урии Гипа, черствого Домби, плутоватого м-ра Джингля в зеленом фраке, жестокого Мордстона, разных старых каторжников, воров и мошенников, являются нам смягченными, благодаря горю, раскаянию или примиряющей смерти. И как мила и добродушна эта домашняя, уютная, патриархальная Англия Диккенса с ее семейными праздниками, почтовыми дорогами, гостеприимными трактирами, с архаическими судами и конторами, с прелестными старыми обычаями и крепким, соленым, как морской ветер, добротным юмором.

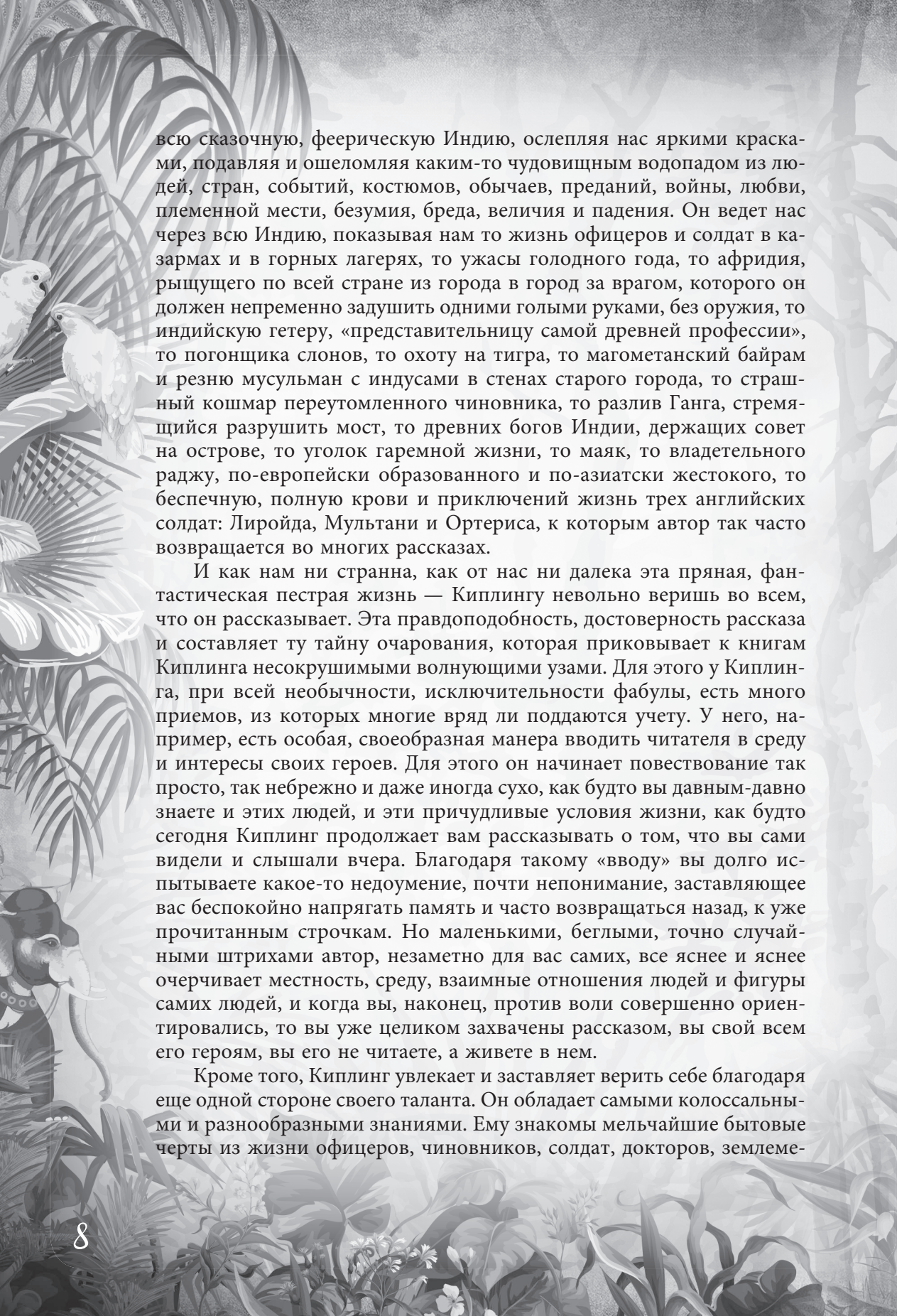
Но Киплинга не волнуют и не умиляют эти тихие, бытовые, семейные картины. По натуре он завоеватель, хищник и рабовладелец,

самый яркий представитель той Англии, которая железными руками опоясала весь земной шар и давит его во имя своей славы, богатства и могущества. Большинство его рассказов переносит нас в Индию, где с наибольшей силой и жестокостью сказывается неутолимая английская алчность. Киплинг смело и ревниво верит в высшую культурную миссию своей родины и закрывает глаза на ее несправедливости. Посмотрите на офицеров и на чиновников в этих рассказах. Все они — люди долга, самоотверженные служаки, глубокие патриоты. Они мокнут в болотах, болеют лихорадкой, изнывают в нестерпимом зное, падают от изнеможения над работой или сходят с ума. В маленьком железнодорожном чиновнике, в офицере, в лесничем, в продовольственном комиссаре Киплинг искусной рукой открывает черты такого скромного самопожертвования и такого бескорыстного героизма, — и все это во благо и процветание далекой отчизны, — что сердце английского читателя не может не сжаться от радостной гордости и умиления. Другая среда, не менее любовно описываемая Киплингом, — это английские солдаты в Индии. Надо ли говорить о том, что Томми Аткинс выходит из-под пера великого мастера в самых задушевных, привлекательных красках? Он, правда, грубоват, и немного ворчун, и не прочь выпить лишнее, но зато обожает своего начальника-офицера, как существо высшей, полубожеской расы, всегда готов положить жизнь за товарища, рад войне, точно празднику, и с гордым достоинством носит звание слуги «Вдовы», как он с интимной почтительностью называет свою королеву. Об одном только не упоминает Киплинг при всем своем пристрастии к доброму, славному Томми — это о жестокости его к побежденным и о его истеричности.

Затем остается еще третий элемент в индийских рассказах Киплинга: местное население. Но и оно служит в его чудесных руках все той же узкой и великой цели — прославлению и возвеличению английской завоевательной миссии. Цветные слуги, готовые на смерть за своих обожаемых сагибов, искусные шпионы из индусов, с детства приучаемые к своей позорной службе, туземные полки, свирепствующие в избиении строптивых сородичей, — вот что вызывает сочувствие и благословение Киплинга. Но всякий бунтовщик, дерзающий восставать против попечительной и разумной английской власти, презрительно рисуется автором как разбойник, вероломный трус и мошенник.

Таким-то образом в Киплинге англичанин заслоняет художника и человека. Но это и все, что ему можно поставить в упрек и что — повторяю — кидается в глаза лишь при слишком пристальном и усердном изучении этого автора. Но, независимо от своего патриотического пристрастия, Киплинг разворачивает перед нами

всю сказочную, феерическую Индию, ослепляя нас яркими красками, подавляя и ошеломляя каким-то чудовищным водопадом из людей, стран, событий, костюмов, обычаев, преданий, войны, любви, племенной мести, безумия, бреда, величия и падения. Он ведет нас через всю Индию, показывая нам то жизнь офицеров и солдат в казармах и в горных лагерях, то ужасы голодного года, то афридия, рыщущего по всей стране из города в город за врагом, которого он должен непременно задушить одними голыми руками, без оружия, то индийскую гетеру, «представительницу самой древней профессии», то погонщика слонов, то охоту на тигра, то магометанский байрам и резню мусульман с индусами в стенах старого города, то страшный кошмар переутомленного чиновника, то разлив Ганга, стремящийся разрушить мост, то древних богов Индии, держащих совет на острове, то уголок гаремной жизни, то маяк, то владетельного раджу, по-европейски образованного и по-азиатски жестокого, то беспечную, полную крови и приключений жизнь трех английских солдат: Лиройда, Мульта и Ортериса, к которым автор так часто возвращается во многих рассказах.

И как нам ни странно, как от нас ни далека эта прятная, фантастическая пестрая жизнь — Киплингу невольно веришь во всем, что он рассказывает. Эта правдоподобность, достоверность рассказа и составляет ту тайну очарования, которая приковывает к книгам Киплинга несокрушимыми волнующими узами. Для этого у Киплинга, при всей необычности, исключительности фабулы, есть много приемов, из которых многие вряд ли поддаются учету. У него, например, есть особая, своеобразная манера вводить читателя в среду и интересы своих героев. Для этого он начинает повествование так просто, так небрежно и даже иногда сухо, как будто вы давным-давно знаете и этих людей, и эти причудливые условия жизни, как будто сегодня Киплинг продолжает вам рассказывать о том, что вы сами видели и слышали вчера. Благодаря такому «вводу» вы долго испытываете какое-то недоумение, почти непонимание, заставляющее вас беспокойно напрягать память и часто возвращаться назад, к уже прочитанным строчкам. Но маленькими, беглыми, точно случайными штрихами автор, незаметно для вас самих, все яснее и яснее очерчивает местность, среду, взаимные отношения людей и фигуры самих людей, и когда вы, наконец, против воли совершенно ориентировались, то вы уже целиком захвачены рассказом, вы свой всем его героям, вы его не читаете, а живете в нем.

Кроме того, Киплинг увлекает и заставляет верить себе благодаря еще одной стороне своего таланта. Он обладает самыми колоссальными и разнообразными знаниями. Ему знакомы мельчайшие бытовые черты из жизни офицеров, чиновников, солдат, докторов, земле-

ров, моряков; он знает самые сложные подробности сотен профессий и ремесел; ему известны все тонкости любого спорта; он поражает своими научными и техническими познаниями. Но он никогда не утомляет своим огромным багажом. Он лишь пользуется им в такой мере и так искусно, что вы готовы поверить, что именно сам Киплинг ловил треску вместе с рыбаками на севере Атлантического океана, и нес службу на маяке, и метался в жестокой индийской лихорадке, и участвовал в кровавых карательных экспедициях, и строил мосты, и вел, как машинист, железнодорожные поезда, и т. д. и т. д. А в этом доверии заключается одна из тайн поразительного обаяния его рассказов и его большой и заслуженной славы.

Александр Куприн, 1908

Р. Киплинг с отцом 1890-е гг.

Первая
Книга
Джунглей

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Конечно, сочинение такого рода, как это, требует со стороны редактора обращения к любезности многочисленных специалистов. И плохо отплатил бы он за доброе к себе отношение, если бы не признал себя в долгу перед многими лицами.

Прежде всего, он должен поблагодарить высокоученого и талантливое Бахадур Шаха, грузового слона № 174 по списку Индии, который так же, как и его милейшая сестра, Пудмини, в высшей степени любезно сообщили историю Маленького Тумаи и большую часть материала для рассказа «Слуги Ея Величества». Сведения для приключения Маугли собирались мало-помалу в различные периоды времени, в различных местах и из уст многих лиц, большая часть которых пожелала сохранить полную анонимность. Тем не менее, находясь в такой дали от них, редактор решается выразить свою признательность одному индусскому высококородному джентльмену, обитателю откосов Джакке, за его убедительную, хотя и несколько сатирическую, характеристику его же собственной касты жрецов (служителей храма). Сахи, ученый, неутомимый ревностный исследователь, входивший в состав недавно рассеявшейся сионийской стаи, и артист, прославившийся на большинстве местных сельских ярмарок Южной Индии, где его танцы в наморднике привлекают к нему всю иную прекрасную и культурную часть населения, доставил ценные данные о многих племенах, их нравах и обычаях. Сведения эти вошли в рассказы: «Тигр! Титр!», «Охота питона Каа» и «Братья Маугли». За абрис для «Рикки-Тикки-Тави» редактор остается в долгу перед одним из главных герпетологов Верхней Индии, бесстрашным и независимым исследователем, который, приняв девиз: «Лучше не жить, но непременно знать», — недавно лишился жизни, вследствие усердного изучения пород ядовитых змей, водящихся в наших дальневосточных владениях. Счастливая случайность дала редактору возможность во время путешествия на пароходе «Императрица Индии» оказать небольшую услугу одному из своих спутников. Как богато был он вознагражден за эту жалкую услугу, о том прочитавшие рассказ «Белый котик» могут судить сами.

Одинокий волк.
Художники — Мариус и Эдвард Детмольд. 1912 г.
«Мы с тобой одной крови»
(Р. Киплинг)

БРАТЯ МАУГЛИ

В Сионийских горах наступил очень жаркий вечер. Отец Волк проснулся после дневного отдыха, зевнул, почесался и одну за другой вытянул свои передние лапы, чтобы прогнать из них остаток тяжести. Волчица Мать лежала, прикрыв своей большой серой мордой четверых барахтавшихся, повизгивавших волчат, а в отверстие их пещеры светила луна.

— Огур!.. — сказал Отец Волк. — Пора мне идти на охоту.

И он уже готовился пуститься по откосу горы, когда маленькая тень с пушистым хвостом показалась подле входа в пещеру и жалобно провизжала:

— Пусть тебе сопутствует удача, о вождь волков, пусть судьба даст твоим благородным детям сильные, белые зубы; пусть счастье улыбается им. И да не забывают они голодных!

Говорил шакал Табаки, лизоблюд. Волки Индии презирали Табаки за то, что он всем причинял неприятности, сплетничал и поедал тряпье и лоскутья кожи на сельских свалках мусора. Вместе с тем, в джунглях боялись его, потому что шакалы способны сходить с ума, а в таком состоянии они забывают всякий страх, бегают по лесам и кусают всех, кого встречают. Когда маленький шакал сходит с ума, даже тигр прячется от него, ведь для дикого создания безумие — величайший позор! Мы называем эту болезнь водобоязнью, в джунглях же ее считают дивани — безумием.

— Войди же и посмотри, — сухо сказал ему Волк, — только в пещере нет ничего съедобного.

— Для волка — нет, — ответил Табаки, — но для такого скромного создания, как я, даже обглоданная кость — великолепный пир. Что такое мы, Джидурлог — племя шакалов, — чтобы выбирать и пробовать?

Мелкими шажками он вбежал в самую глубь пещеры, отыскал там оленью кость с остатками мяса, присел и принялся с наслаждением ее грызть.

— Прими великую благодарность за прекрасное угощение, — сказал он, обливаясь. — Какие красавцы, благородные дети! Какие у них большие глаза! А еще такие юные. Впрочем, что я? Мне следо-

вало помнить, что королевские дети с первого дня своей жизни — взрослые.

Табаки, как и все остальные, отлично знал, что похвалы, сказанные детям в лицо, приносят им несчастье, и ему было приятно видеть, что волки-родители встревожились.

Табаки посидел, молча радуясь, что он сделал им неприятность, потом презрительно сказал:

— Шер Хан переменял место охоты. Он сказал мне, что всю следующую луну будет охотиться в этих горах.

Шер Хан был тигр, живший в двадцати милях от пещеры близ реки Венгунга.

— Он не имеет на это права, — сердито начал Отец Волк. — По Законам Джунглей — он не имеет права без предупреждения менять место охоты. Он распугает всю дичь на десять миль, а мне... мне предстоит охотиться эти два дня.

— Недаром мать Шер Хана назвала его Лунгри, хромым, — спокойно заметила волчица. — Он хромает со дня рождения и потому всегда убивал только домашний скот. В деревне Венгунга сердятся на него, а теперь пришел сюда, чтобы раздражать «наших людей». Они обыщут джунгли, когда он убежит, и нам с детьми придется спасаться от подожженной ими травы. Действительно, мы можем поблагодарить Шер Хана.

— Передать ему вашу благодарность? — спросил Табаки.

— Прочь! — лязгнув зубами, сказал Отец Волк. — Прочь; ступай охотиться со своим господином. Достаточно неприятностей наговорил нам ты.

— Я уйду, — спокойно ответил Табаки. — Слышите, в чащах рычит Шер Хан? Я мог бы даже и не говорить вам о нем.

Отец Волк прислушался; в долине, которая спускалась к ручью, раздалось сухое, злобное, продолжительное ворчание ничего не поймавшего тигра, которому не стыдно, что все в джунглях узнали о его неудаче.

— Глупец, — сказал волк. — Он начинает работу с таким шумом! Неужели он думает, что наши олени похожи на его откормленных быков?

— Тсс! Сегодня он охотится не на оленя и не на быка, — сказала волчица. — Его дичь — человек.

Ворчание превратилось в громкое рычание, которое, казалось, несло со всех сторон. Именно этот звук заставляет терять рассудок спящих под открытым небом дровосеков и цыган; именно слыша его, они иногда бросаются прямо в пасть тигра.

— Человек, — сказал Отец Волк, оскалив свои белые зубы. — Фу! Неужели в болотах мало водяных жуков и лягушек, чтобы он еще ел человека, да еще в наших местах.

* * *

Закон Джунглей, никогда не приказывающий чего-либо беспричинно, позволяет зверям есть человека, только когда зверь убивает его, желая показать своим детям, как это надо делать, но тогда он должен охотиться вне мест охоты своей стаи или племени. Настоящая причина этого состоит в том, что вслед за убийством человека, рано или поздно, являются белые на слонах и с ружьями и сотни коричневых людей с гонгами, ракетами и факелами. И все в джунглях страдают. Однако между собой звери говорят, что Закон запрещает убивать человека, потому что он самое слабое и незащищенное из всех живых созданий, и, следовательно, трогать его недостойно охотника. Кроме того, они уверяют — и справедливо, — что людоеды страшно худеют и теряют зубы.

Рычание стало громче и вдруг послышалось: «ар-р-р», — короткий крик падающего тигра.

— Он промахнулся, — сказала Волчица Мать. — Что там?

Было слышно, что Шер Хан со свирепым ворчанием бросается от одного куста к другому.

— У этого глупца так мало смысла, что он прыгнул на костер дровосека и обжег себе лапы, — сказал Волк. — С ним и Табаки.

— А кто поднимается по откосу? — спросила Волчица Мать и насторожила одно ухо. — Приготовься!

В чаще зашелестели листья. Волк осел на задние лапы, собираясь броситься на добычу. Потом, если бы вы наблюдали за ним, вы увидели бы самую удивительную вещь на свете: волка, остановившегося на половине прыжка. Еще не увидав, на что он кидается, зверь прыгнул и в ту же минуту постарался остановиться. Вследствие этого он поднялся на четыре или пять футов от земли и упал на лапы, почти на то самое место, с которого начал нападение.

— Человек, — коротко сказал он, — детеныш человека! Смотри.

Как раз против волка, держась за одну из низких веток, стоял маленький, совершенно обнаженный, коричневый мальчик, только что научившийся ходить, весь мягонький, весь в ямочках. Он посмотрел прямо в глаза волку и засмеялся.

— Так это человеческий детеныш, — сказала Волчица Мать. — Я никогда не видала их. Дай-ка его сюда.

Волк, привыкший переносить своих волчат, в случае нужды может взять в рот свежее яйцо, не разбив его, а потому, хотя челюсти зверя схватили ребенка за спинку, ни один его зуб не оцарапал кожи маленького мальчика. Отец Волк осторожно положил его между своими детенышами.

— Какой маленький! Совсем голенький! И какой смелый, — мягко сказала Волчица Мать.

Ребенок расталкивал волчат, чтобы подобраться поближе к ее теплой шкуре.

— Ай, да он кормится вместе с остальными! Вот так человеческий детеныш! Ну, скажи-ка: была ли когда-нибудь в мире волчица, которая могла похвастаться тем, что между ее волчатами живет человеческий детеныш?

— Я слышал, что такие вещи случались, только не в нашей стае и не в наши дни, — ответил Отец Волк. — На нем совсем нет шерсти, и я мог бы убить его одним толчком лапы. Но взгляни: он смотрит и не боится.

Лунный свет перестал проникать в отверстие пещеры; большая четверугольная голова и плечи Шер Хана заслонили свободное отверстие. А позади тигра визжал Табаки:

— Мой господин, мой господин, он вошел сюда!

— Шер Хан оказывает нам великую честь, — сказал Волк Отец, но в его глазах был гнев. — Что угодно Шер Хану?

— Сюда вошел детеныш человека, — ответил тигр. — Его родители убежали. Отдай мне его.

Как и говорил волк, Шер Хан прыгнул в костер дровосека и теперь бесновался от боли в обожженных лапах. Но Волк Отец знал, что тигр не мог войти в слишком узкое для него отверстие пещеры. И так уже края боковых камней сдавливали плечи Шер Хана и его лапы сводила судорога; то же самое чувствовал бы человек, если бы он старался поместиться в бочонок.

— Волки — свободный народ, — сказал глава семьи. — Они слушаются вожака стаи, а не какого-нибудь полосатого поедателя домашнего скота. Человеческий детеныш — наш; мы убьем его, если захотим.

— Вы захотите, вы не пожелаете! Что это за разговоры? Клянусь убитым мной быком, я не буду стоять, нюхая вашу собачью будку и прося того, что мне принадлежит по праву. Это говорю я, Шер Хан.

Рев тигра наполнил всю пещеру, как раскаты грома. Волчица Мать стряхнула с себя своих детенышей и кинулась вперед; ее глаза, блестящие в темноте как две зеленые луны, глянули прямо в пылающие глаза Шер Хана.

— Ты говоришь, а отвечаю я, Ракша. Человеческий детеныш мой, хромуля! Да, мой. Его не убьют! Он будет жить, бегать вместе со стаей, охотиться со стаей и, в конце концов, убьет тебя, преследователь маленьких голых детенышей, поедатель лягушек и рыб! Да, он убьет тебя! А теперь убирайся или, клянусь убитым мной самбхуром (я не ем палого скота), ты, обожженное животное, отправишься к своей матери, хромя хуже, чем в день твоего рождения! Уходи!

Отец Волк посмотрел на нее с изумлением. Он почти позабыл тот день, в который после честного боя с пятью другими волками увел

с собой свою подругу; или время, когда она бегала в стае и ее называли Демоном не из одной любезности. Шер Хан мог встретиться лицом к лицу с Волком Отцом, но биться с Ракшей не хотел, зная, что на ее стороне все выгоды и что она будет бороться насмерть. Поэтому со страшным ворчанием он попятился, освободился из входа в пещеру и, наконец, крикнул:

— Каждая собака лает у себя во дворе! Увидим, что-то скажет сама стая об этом нежничаньи с приемышем из человеческого племени! Он — мой и, в конце концов, попадетя мне в зубы, говорю вам, о вы, пушистохвостые воры!

Волчица, задыхаясь, бросилась обратно к своим волчатам, и Отец Волк серьезно сказал ей:

— В этом отношении Шер Хан прав. Человеческого детеныша надо показать стае. Скажи, ты все еще хочешь оставить его у себя?

— Хочу ли? — произнесла она. — Он — бесшерстый, голодный, пришел ночью, совсем один, а между тем не боялся. Смотри: он оттолкнул одного из моих детей! Этот хромой злодей убил бы его и убежал в Венгунга; к нам пришли бы люди и в отместку разрушили бы все наши логовища. Оставляю ли я его у себя? Ну, конечно. Лежи, лежи, лягушечка, о ты, Маугли... Да, да, я назову тебя Маугли — лягушка... и когда-нибудь ты будешь охотиться на Шер Хана, как он охотился на тебя.

— Но что-то скажет наша стая? — протянул Отец Волк.

Закон Джунглей очень ясно говорит, что каждый вновь женившийся волк может отделиться от своей стаи; однако едва его волчата вырастут настолько, чтобы хорошо держаться на ногах, он обязан привести их и представить Совету стаи, который обыкновенно собирается в полнолуние; это делается для того, чтобы остальные волки узнали их. После такого осмотра волчата имеют право бегать куда им угодно и пока они не поймают первого оленя. Для волка, убившего одного из них, нет оправданий. Убийцу наказывают смертью. Подумав хорошенько, вы увидите, что это справедливо.

Отец Волк выждал, чтобы его волчата научились бегать, наконец, в день собрания стаи, взял с собой их, Маугли, Волчицу Мать и отправился к Скале Совета; так называлась вершина холма, вся покрытая большими валунами и камнями, посреди которых могло спрятаться около сотни волков. Акела, большой серый волк-одиночка, благодаря своей силе и хитрости вожак стаи, во всю свою длину растянулся на камне, ниже сидели сорок или больше волков, всех оттенков шерсти — начиная с ветеранов с окраской барсука, которые могли одни вступать в борьбу с диким буйволом, до юных черных трехгодовиков, воображавших, будто такая борьба им по силам. Вот уже целый год Одинокый Волк водил стаю. В дни своей юности Акела два раза попадался в капканы; раз его избили и бросили, считая мертвым, — поэтому он

знал обычаи и уловки людей. Мало было разговоров. Волчата возились и кувыркались в центре кольца, которое составляли их матери и отцы; время от времени один из старших волков спокойно подходил к какому-нибудь волчонку, внимательно осматривал его и, бесшумно ступая, возвращался на прежнее место. Иногда та или другая волчица выталкивала носом своего детеныша в полосу лунного света, желая, чтобы его непременно заметили. Акела же со своей скалы восклицал:

— Вы знаете Закон, вы знаете Закон! Хорошенько смотрите, о волки!

И протяжный тревожный вой матерей подхватывал:

— Смотрите, хорошенько смотрите, о волки!

Наконец, — и в эту минуту на шее Ракши поднялась высокая щетина, — Отец Волк вытолкнул Маугли-лягушку, как они назвали мальчика, на самую середину открытого пространства, и он уселся там и стал со смехом играть камешками, блестящими при лунном свете.

Акела не поднял головы, продолжая монотонно выкрикивать:

— Смотрите хорошенько!

Из-за скалы послышалось глухое рыканье — голос Шер Хана. Тигр кричал:

— Детеныш — мой. Отдайте его мне. Зачем Свободному Народу детеныш человека?

Акела даже ухом не шевельнул. Он только протянул:

— Смотрите хорошенько, о волки. Разве Свободному Народу есть дело до чьих-либо заявлений, кроме постановлений Свободного Народа? Хорошенько смотрите.

Послышались тихие, недовольные, ворчащие голоса; один молодой волк, которому шел четвертый год, бросил Акеле вопрос тигра:

— Что делать Свободному Народу с детенышем человека?

Надо заметить, что, в силу постановлений Закона Джунглей, в случае споров относительно права вступления какого-нибудь детеныша в стаю, за его принятие должны высказаться, по крайней мере, двое из стаи, но не его отец или мать.

— Кто за этого детеныша? — спросил Акела. — Кто из Свободного Народа высказывается за его вступление в стаю?

Ответа не было, и Волчица Мать приготовилась к бою, который, она знала, будет для нее последним.

Тогда Балу, не принадлежавший к роду волков, но которого допускают в Совет стаи, старый Балу, сонный бурый медведь, преподающий волчатам Закон Джунглей, имеющий право расхаживать повсюду, потому что он ест только орехи, корни и мед, поднялся на задние лапы и проревел:

— Человеческий детеныш?.. Человеческий детеныш? Я высказываюсь за него. В нем нет ничего дурного. Я не обладаю даром слова, но

говоря правду. Пусть он бежит вместе со стаей; примите его вместе с остальными. Я буду учить его!

— Нам нужен еще голос, — сказал Акела — Балу высказался, а ведь он учитель наших молодых волков. Кто, кроме Балу, подаст голос за человеческого детеныша?

Стройная тень скользнула в кольцо волков. Это была Багира, черная пантера, вся черная, как чернила, но с пятнами, видными как водяные клейма при известном освещении. Все знали Багиру и все боялись становиться ей поперек дороги, потому что она была хитра, как Табаки, мужественна, как дикий буйвол, неудержима, как раненый слон. Тем не менее, ее голос звучал мягко, точно звук падающих с дерева капель дикого меда, а ее шерсть была нежнее лебяжьего пуха.

— О Акела, и ты, Свободный Народ, — промурлыкала она, — я не имею права голоса в ваших собраниях, но Закон Джунглей говорит, что в случае сомнений, возникших относительно нового детеныша, сомнений, не касающихся охоты, его жизнь можно купить за известную цену. И Закон не определяет, кто может и кто не может заплатить за сохранение его жизни. Правильно ли я говорю?

— Правильно, правильно, — ответили вечно голодные молодые волки. — Слушайте Багиру. Детеныша можно купить за известную цену. Так говорит Закон.

— Я знаю, что не имею здесь права голоса, а потому прошу у вас позволения говорить.

— Говори, — слышалось двадцать голосов.

— Позорно убить безволосого детеныша. Кроме того, он может вам пригодиться, когда вырастет. Балу говорил в его пользу, а если вы согласитесь принять человеческого детеныша, я к словам Балу прибавлю только что убитого мной молодого и очень жирного быка, который лежит меньше чем в полумиле отсюда. Трудно ли принять решение?

Поднялся гул голосов, звучало:

— Стоит ли рассуждать? Он умрет от зимних дождей; солнце сожжет его! Какой вред может принести нам безволосая лягушка? Пусть себе бежит со стаей. А где бык, Багира? Примем детеныша!

И все закончил глубокий лающий голос Акелы:

— Смотрите хорошенько, смотрите хорошенько, о волки!

Внимание Маугли по-прежнему привлекали камешки; он даже не замечал, что волки один за другим подходили и осматривали его. Наконец, все спустились к убитому быку; на Скале Совета остались только Акела, Багира, Балу, волки усыновители Маугли, а в темноте все еще раздавалось ворчание Шер Хана, который сердился, что ему не отдали мальчика.

— Да, да реви хорошенько себе в усы, — сказала Багира, — придет время, когда человеческий детеныш заставит твой голос звучать другим образом. Это будет так, или я ничего не знаю о людях.

— Вы хорошо сделали! — сказал Акела. — Люди и их щенята очень умны. Со временем он сделается нашим помощником.

— Конечно, он сделается твоим помощником в тяжелую минуту; ведь никто не может надеяться вечно водить стаю, — заметила Багира.

Акела ничего не сказал. Он думал о времени, наступающем для каждого вожака, когда его силы уходят и он все слабеет и слабеет, пока, наконец, стая не убивает его и не является новый вожак, которого в свою очередь тоже убьют.

— Уведи его, — сказал Акела Отцу Волку, — и воспитай его в правах Свободного Народа.

Таким-то образом Маугли был введен в сионийскую волчью стаю, благодаря внесенной за него плате и доброму слову Балу

Теперь вам придется перескочить через десять или одиннадцать лет и самим угадать, какую удивительную жизнь Маугли вел среди волков, потому что, если бы описать ее, это наполнило бы множество книг.

Он рос вместе с волчатами, хотя, понятно, они сделались взрослыми волками, когда он еще оставался ребенком. Отец Волк учил его ремеслу и говорил обо всем, что находится и что происходит в джунглях; наконец, каждый шелест в траве, каждое легкое дыхание жаркого ночного воздуха, каждое гуканье совы над его головой, легчайший скрип когтей летучей мыши, опустившейся на дерево, каждый плеск прыгающей в крошечных озерах рыбы, — все для мальчика стало так же важно и понятно, как конторская работа для дельца.

Когда Маугли не учился, он сидел на солнце, спал, ел и опять спал; когда он чувствовал себя грязным или когда ему бывало жарко, он плавал в естественных лесных прудах; когда ему хотелось меду (Балу сказал мальчику, что мед и орехи так же вкусны, как и сырое мясо), он взбирался за ним на деревья. Подниматься на высокие стволы его научила Багира. Лежа на высокой ветке, пантера кричала: «Сюда, Маленький Братец», — и в первое время Маугли прижимался к сукам, точно ленивец, но со временем стал перекидываться с одной ветки на другую, почти со смелостью серой обезьяны. Во время собраний стаи он занимал указанное ему место на Скале Совета и в это время открыл, что когда ему случалось пристально смотреть на какого-нибудь волка, тот невольно опускал глаза. Узнав это, Маугли стал в виде забавы вписываться взглядом в глаза волков. Иногда он вынимал длинные шипы, засевшие между пальцами его друзей, потому что волки страшно страдают от шипов и колючек, попавших в их кожу. По ночам мальчик спускался с горного откоса к возделанным полям и с большим любопытством смотрел на поселян в их хижинах, однако не доверял людям, так как Багира однажды показала ему до того хитро спрятанный в заросли ящик с падающей дверцей, что он чуть не попал в него. Тогда пантера сказала ему, что это ловушка. Больше всего Маугли любил

вместе с Багирой уходить в темную, теплую гушу леса, спать там целый день, а ночью наблюдать за охотой черной пантеры. Голодная, она убивала все, что ей попадалось навстречу, так же поступал и Маугли... с одним исключением. Когда он подросток и его ум развился, Багира сказала ему, чтобы он не смел трогать домашнего скота, так как его жизнь купили ценой жизни быка.

— Вся заросль твоя, — сказала Багира, — и ты можешь охотиться на всякую дичь, которую ты в состоянии убить, но в память о быке, заплатившем за тебя, никогда не убивай или не ешь ни молодого, ни старого домашнего скота. Таков Закон Джунглей.

И Маугли свято повиновался. Он выросстал, делался сильным, как это было бы с каждым, не сидящим за уроками мальчиком, которому не о чем думать, кроме еды. Раза два Мать Волчица сказала ему, что Шер Хану нельзя доверять и что он когда-нибудь должен убить Шер Хана. Молодой волк ежечасно вспоминал бы о совете Ракши, но Маугли позабыл ее слова, ведь он был только мальчик, хотя, конечно, назвал бы себя волком, если бы умел говорить на каком-нибудь человеческом наречии.

Шер Хан вечно попадался на его пути, потому что Акела постарел, стал слабее, и теперь хромой тигр подружился с младшими волками стаи, и те часто бегали за ним; Акела не допустил бы до этого, если бы прежняя сила дала ему возможность как следует проявлять свою власть. Кроме того, Шер Хан льстил молодым волкам и высказывал удивление, что такие прекрасные молодые охотники добровольно покоряются полуживому вожаку и детенышу человека.

— Мне рассказывали, — говаривал Шер Хан, — что на Скале Совета вы не решаетесь смотреть ему в глаза.

И молодые волки ворчали, поднимая щетину.

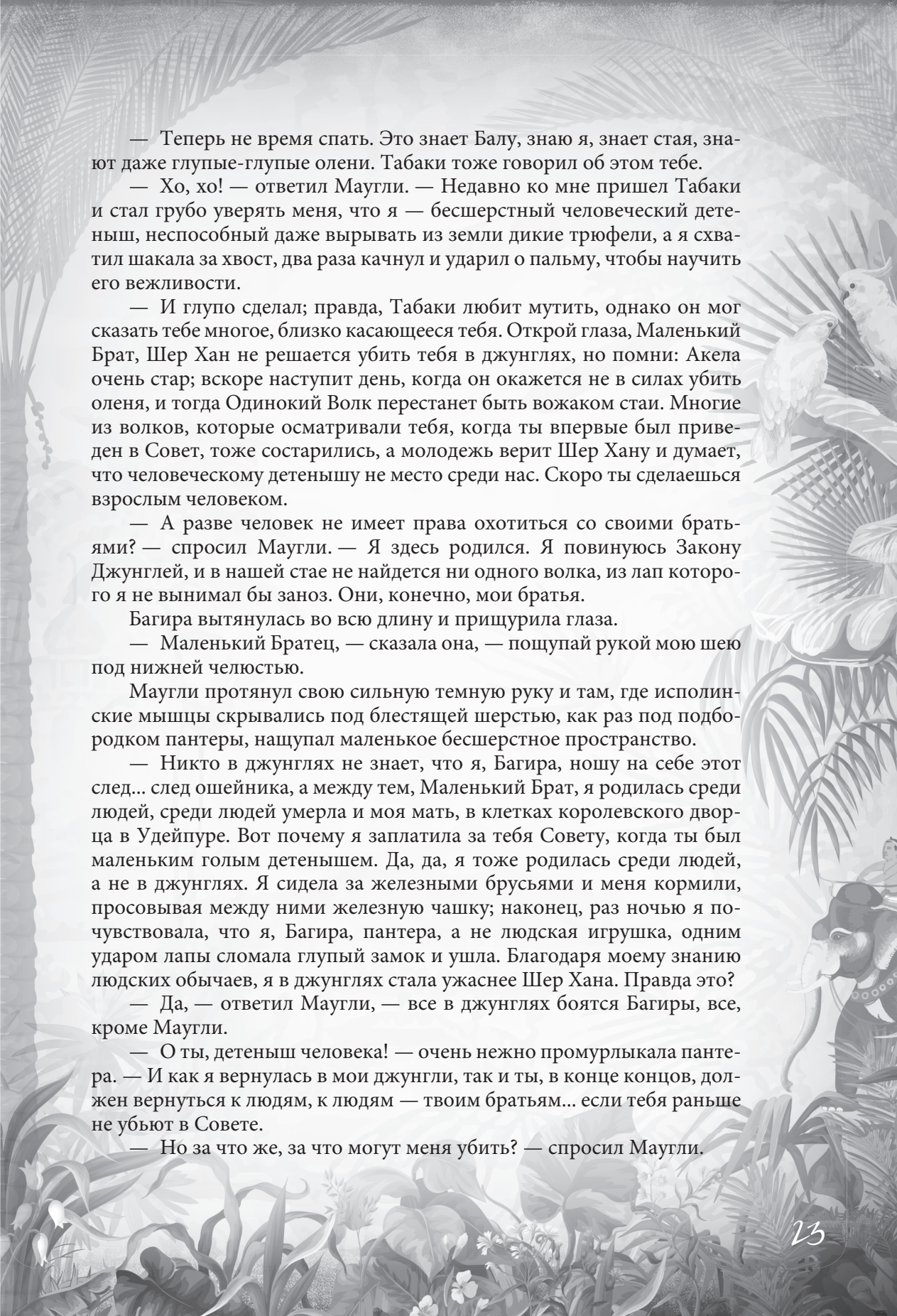
Багира, у которой повсеместно были уши и глаза, знала кое-что о таких разговорах и раза два прямо и просто сказала Маугли, что когда-нибудь Шер Хан его убьет; но мальчик смеялся и отвечал:

— У меня стая, у меня и ты, и хотя Балу ленив, он может в мою защиту нанести лапой несколько ударов. Чего мне бояться?

В один очень жаркий день в мозгу Багиры появилась новая мысль, родившаяся вследствие дошедших до нее слухов. Может быть, Икки, дикобраз, предупредил пантеру; во всяком случае, раз, когда Маугли лежал в глубине джунглей, прижимаясь головой к ее красивой черной шкуре, Багира сказала ему:

— Маленький Брат, сколько раз я говорила тебе, что Шер Хан твой враг?

— Столько, сколько орехов на этой пальме, — ответил Маугли, конечно, не умеющий считать. — Что же из этого? Мне хочется спать, Багира, а у Шер Хана такой же длинный хвост и такой же громкий голос, как у Мао, павлина.

— Теперь не время спать. Это знает Балу, знаю я, знает стая, знают даже глупые-глупые олени. Табаки тоже говорил об этом тебе.

— Хо, хо! — ответил Маугли. — Недавно ко мне пришел Табаки и стал грубо уверять меня, что я — бесшерстный человеческий детеныш, incapable даже вырывать из земли дикие трюфели, а я схватил шакала за хвост, два раза качнул и ударил о пальму, чтобы научить его вежливости.

— И глупо сделал; правда, Табаки любит мутить, однако он мог сказать тебе многое, близко касающееся тебя. Открой глаза, Маленький Брат, Шер Хан не решается убить тебя в джунглях, но помни: Акела очень стар; вскоре наступит день, когда он окажется не в силах убить оленя, и тогда Одинокий Волк перестанет быть вожаком стаи. Многие из волков, которые осматривали тебя, когда ты впервые был приведен в Совет, тоже состарились, а молодежь верит Шер Хану и думает, что человеческому детенышу не место среди нас. Скоро ты сделаешься взрослым человеком.

— А разве человек не имеет права охотиться со своими братьями? — спросил Маугли. — Я здесь родился. Я повинуюсь Закону Джунглей, и в нашей стае не найдется ни одного волка, из лап которого я не вынимал бы заноз. Они, конечно, мои братья.

Багира вытянулась во всю длину и прищурила глаза.

— Маленький Братец, — сказала она, — пощупай рукой мою шею под нижней челюстью.

Маугли протянул свою сильную темную руку и там, где исполинские мышцы скрывались под блестящей шерстью, как раз под подбородком пантеры, нащупал маленькое бесшерстное пространство.

— Никто в джунглях не знает, что я, Багира, ношу на себе этот след... след ошейника, а между тем, Маленький Брат, я родилась среди людей, среди людей умерла и моя мать, в клетках королевского дворца в Удейпуре. Вот почему я заплатила за тебя Совету, когда ты был маленьким голым детенышем. Да, да, я тоже родилась среди людей, а не в джунглях. Я сидела за железными брусьями и меня кормили, просовывая между ними железную чашку; наконец, раз ночью я почувствовала, что я, Багира, пантера, а не людская игрушка, одним ударом лапы сломала глупый замок и ушла. Благодаря моему знанию людских обычаев, я в джунглях стала ужаснее Шер Хана. Правда это?

— Да, — ответил Маугли, — все в джунглях боятся Багиры, все, кроме Маугли.

— О ты, детеныш человека! — очень нежно промурлыкала пантера. — И как я вернулась в мои джунгли, так и ты, в конце концов, должен вернуться к людям, к людям — твоим братьям... если тебя раньше не убьют в Совете.

— Но за что же, за что могут меня убить? — спросил Маугли.